

СОЦИАЛЬНЫЕ СИМПАТИИ И АНТИПАТИИ ЗОСИМА

Труду ранневизантийского автора рубежа V—VI вв. Зосима «Новая история» из-за крайнего его ригоризма, сдобренного явно «необъективным» отношением к власти имущим поздней Римской империи, долго не уделялось должного внимания¹. И по сей день состояние анализа этого произведения как социального феномена оставляет желать лучшего. Большая часть исследователей (начиная с И. Райтемейера) предпочитала препарировать «Новую историю» с позиций формального источниковедения и лишь к 40-м гг. относится попытка Э. Кондураки серьезно заинтересовать ученых политическими взглядами Зосима². Несмотря на ряд появившихся с того времени статей, так или иначе затрагивавших эту проблему, вопрос о социальной подоплеке поистине уникальной оппозиционности автора «Новой истории», в сущности, открыт. Дело в том, что таких исследователей, как, например А. Кэмерон, В. Гоффарт, В. Кэги, Р. Ридли и Д. Скейвон, труд Зосима привлекает больше в филологическом аспекте, уточнением ряда событийных реалий или — в лучшем случае — рассмотрением системы его антихристианских и проязыческих взглядов³. Если объектом изучения (начиная с Э. Кондураки) избирались политические воззрения Зосима, то они лишались социального заряда, выступая в известной степени выхолощенными, «в чистом виде». Например, хотя отдельные наблюдения В. Кэги (о связи останков республиканских симпатий Зосима с враждебностью сенатской аристократии к императорской власти⁴, об определении автором «Новой истории» начала упадка империи, о становлении константиновых порядков⁵ и т. д.) очень ценны, работа его ориентирована преимущественно на разбор «языческого миропонимания» Зосима. Даже Ф. Пашу, пожалуй, наиболее скрупулезно изучающий «Новую историю», почти не касается социальной стороны ее содержания⁶. Близко подходит к вопросу о социальных оценках Зосима Т. Грегори. Но американского исследователя интересуют не истоки и сущность симпатий историка к общественным группам (кстати, Т. Грегори отказывает ему в мышлении точными социальными категориями⁷), а различие в содержании терминов *ochlos*, *plethos* и т. п. как средство для уточнения антихристианской позиции Зосима и обстоятельства событий вокруг Иоанна Златоуста в последние годы деятельности патриарха.

Необходимость связи взглядов Зосима с определенными социальными группами впервые была указана в советской историографии⁸. Тем не менее конкретизация и место этих групп в воззрениях автора «Новой истории» до сих пор проблематичны. Из высказанных в последнее время по данному поводу соображений нам представляется наиболее основательным мнение А. П. Каждана: «Не был ли Зосим выразителем идеологии какого-то слоя куриалов, продолжателем линии Ливания и Прокла?» В то же время А. П. Каждан учитывает симпатии Зосима к Константинополю и его веру в устойчивость империи⁹. В своей статье о взглядах автора «Новой истории» на «проблему варваров» мы постарались показать, что его социальную опору действительно следует искать в городах Византии¹⁰. Однако вывод этот нуждается в уточнениях. Думается, одним из способов конкретизации общественной позиции Зосима, разгадки появления и жизнеспособности его труда может явиться группировка и анализ социальных и политических объектов «Новой истории», которым ее автор дает положительную или отрицательную оценку. В этом смысле ригоризм Зосима, претивший большинству буржуазных историков, оказывает неоценимую услугу. Будучи не в состоянии в рамках небольшой статьи проанализировать всю совокупность таких объектов, мы рассмотрим лишь отношение Зосима к реалиям, представляющимся наиболее значимыми. Это, во-первых, объекты, имеющие в «Новой истории» положительную окраску (помимо понятий бедности и богатства и категории рабов, которые следует рассмотреть отдельно): городские коллективы, сенаторы, должностные лица и правители позитивного плана. Во-вторых, объекты критики Зосима: христианское духовенство, «худородное» чиновничество и евнухи, несправедливые судьи и отрицательные правители.

Предварительно следует оговориться, что к выявлению социальной сущности оппозиционности Зосима можно приблизиться не только через анализ его антихристианских взглядов (о чем писалось неоднократно), но и благодаря учету других моментов. Во-первых, Зосим был комитом и адвокатом фиска, а его язычество, возможно, явилось причиной потери этой должности при Анастасии I, что могло повлиять на ригоризм и озлобленность историка¹¹, как думает В. Кэги. Мысль американского исследователя нужно дополнить: для понимания оппозиции Зосима необходимо иметь в виду не только его личную судьбу, но и социальные аспекты правительственной политики (и не только к язычникам) рубежа V—VI вв. Во-вторых, должна быть учтена социальная окрашенность информативности Зосима. Например, в «Новой истории» выявлены крупные ошибки фактического характера и даже неточности в определении должностей и занимавших их лиц¹². Сравнительная узость используемых Зосимом источников¹³ дополняет эту картину: наш историк сосредоточил внимание на трудах, с близких ему позиций (например, Евнапий)¹⁴ освещавших время, которое хотел отобразить он сам. Видимо, недаром в «Новой истории» есть только один намек на занятия Зосима в книгохранилищах (II, 36. 2)¹⁵, а упоминания законодательных и административных мероприятий импе-

раторов, в которых адвокат фиска долженствовал разбираться хорошо, даже не сопровождаются ссылками на конкретные источники, приводятся описательно. Таково, например, изложение мероприятий Константина I (II, 17. 2; 32—34; 38. 2—4), Валентиниана I (IV, 3. 2—3), Феодосия I (IV, 27; 32. 2; 59. 2) и Гонория (V, 46. 1—3). Создается впечатление, что в «Новой истории» факты приносятся в жертву социальной позиции автора. В-третьих, наконец, специального исследования заслуживает «социальность» композиции «Новой истории». Материал сгруппирован Зосимом так, чтобы в основном освещались бедствия империи, явившиеся результатом политики Константина I. Сам автор говорит об этом совершенно недвусмысленно: «В то время как Полибий изложил, каким образом римляне за короткое время приобрели себе империю, я собираюсь рассказать, каким образом за недолгое время они разрушили ее своим нечестием» (I, 57. 1). Выяснение характера и удельного веса по-разному оцениваемых историком общественно-политических реалий в конкретных разделах книги может способствовать углублению ее социальной характеристики.

Не ставя задачей разрешение оговоренных вопросов, подчеркнем, что их нельзя забывать при анализе взглядов Зосима на конкретные социальные и политические объекты.

Социальные воззрения Зосима отнюдь не отличаются демократизмом и классовой терпимостью. Если начать с нижних ступеней «общественной пирамиды» того времени, то увидим, что наш историк сочувствует только тем беднякам, которые ранее были состоятельными лицами и пострадали от правительственного произвола. К занятию ремеслом, земледелием и торговлей Зосим своего отношения ясно не выражает. Исклчением является третирование колбасника Варга из Лаодики (V, 9), лжесвидетеля и мошенника, но в этом проявляется скорее ненависть к креатуре временщика Евтропия, пытавшегося опереться на часть торговой знати провинций¹⁶ (см. далее). С другой стороны, Зосим питает ненависть к менялам, мелочным ростовщикам и другим лицам, занимавшимся «гнуснейшими из занятий на площадях» (*ep' agoras ta ton epitedeumatou aischrotata*) (IV, 28. 4). Из лиц «презренных профессий» Зосим ненавидит и мимов (I, 6. 1; IV, 33. 4; V, 7. 2). Историк не осуждает богатство само по себе и даже почитает состоятельных лиц. Другое дело, что достатком можно пользоваться по-разному: его можно употребить для помощи голодающим во время осады жителям Рима, как сделали супруга императора Грациана и ее мать (V, 39. 2—4), а можно и обратить во зло. В последнем случае, например, правители грабят подданных, а скаредные богатеи прячут свои ценности и не желают выплачивать выкуп Алариху, чтобы удалить его от осажденного Рима (V, 41. 5). Подобное отношение к богатству как к объекту, должному способствовать общественной пользе, благу городского коллектива, наряду с другими моментами, говорит о полисных, античных ориентациях Зосима.

Зосим мало говорит о народных массах и еще реже высказывает к ним отношение (как правило, презрительно-негативное). Он радуется успеху Проба, подавившего выступление гладиаторов (I, 71. 3), и

обличает лиц, строивших козни сторонникам покойного Юлиана Отступника и подстрекавших на это «неразумную массу народа» (IV, 2. 1). В «Новой истории» мало внимания уделено рабам, отсутствуют факты, характеризующие их роль в хозяйственной жизни империи. В немногих местах, где рабы упомянуты, Зосим просто констатирует их участие в политических событиях. Например, он пишет, что во время волнений в Константинополе в 365 г. Прокопий и его сторонники вооружили рабов (IV, 5. 5). Описывая мятеж готов во Фригии, Зосим негодует на Трибигильда, собравшего «столь значительную массу рабов и в иных отношениях отверженных лиц, что привел в крайнюю опасность всю Азию» (V, 13. 4). Рабы Стилихона входили в число его приверженцев, стремившихся вооруженным путем избавить своего патрона от казни (V, 42. 3). Отношения к рабам как к таковым Зосим, таким образом, не выражает.

Вообще, как верно отметил Т. Грегори, Зосим редко касается городских волнений¹⁷, и речь в этих случаях идет не о рабах, а о категориях населения, соотносимых с термином *plethos*. Но тезис об использовании автором «Новой истории» понятия *ochlos* больше в негативноморальном, нежели в социологическом значении¹⁸, представляется неточным. Оба имеющих у Зосима упоминания этого понятия явно содержат социальный смысл. В первом случае *ho ek ton agron ochlos* стекается в Августодунум после признания Максенция императором горожанами (II, 42. 4). Поскольку затем отмечается, что иллирийские всадники «примкнули к лицам, собравшимся по поводу этого события», и участвовали в провозглашении Магненция Августом, в части «собравшихся», в «толпе из сел», следует видеть социальную силу (хотя и неопределенную), повлиявшую на обстоятельства узурпации трона¹⁹. О том, что второе упоминание Зосимом «толпы» (V, 23. 4) тоже глубоко социально, уже было сказано Г. Л. Курбатовым²⁰.

Отмечая негативное отношение Зосима к «толпе», Т. Грегори привлекает большее внимание историка к категории *demos*. Эта категория у Зосима охватывает, скорее всего, только часть городского населения, будучи адекватной понятию *plebs*²¹. Мы уточним другое: «демос» Зосима негативными чертами практически не обладает, но не имеет и положительной оценки.

В то же время выступления горожан в защиту своих полисов, их отпор варварам или правительственному произволу рассматривается Зосимом сочувственно. Одобрение историка вызывает оборона жителями Греции своих общин в III в. (I, 29. 3). Зосим с восторгом воспринимает истребление готов константинопольцами 12 июля 400 г. (V, 19. 2—4) и разгром отрядов Трибигильда жителями Памфлии (V, 16. 1—3). Даже восстание антиохийцев против налогового гнета при Феодосии рассматривается Зосимом как естественная реакция на правительственный произвол (IV, 41. 1).

Зосим прекрасно понимает огромное значение городов для сохранения общественных порядков античности. Всякий император, оказывавший полисам благоволение, отстраняющий их и уважающий городских представителей, заслуживает в «Новой истории» похвалы. Зосим

одобряет «укрепление множества городов» Септимием Севером (I, 9.2.), приветствует реформы Аврелиана, направленные на восстановление нормальной городской жизни (I, 61.3), восхищается городскими постройками Юлиана (III, 11.3). Даже Валенту, к которому Зосим относится неприязненно, воздается должное за помощь полисам во время похода на восток (IV, 13).

С другой стороны, как будет показано далее, историком всячески поносятся те правители, которые разоряют города налогами, постояями солдат, произволом чиновников и нерадением в защите от варваров.

В то же время в «Новой истории» не чувствуется прямой поддержки автором сословия куриалов. Одобрение мер императора, явно направленных на укрепление курий, встречается только один раз (III, 11.5). Зосим скорее на стороне «горожан вообще», чем на твердых позициях сочувствия тем слоям, которые в свое время защищались Либанием. Возможно, это отчасти объясняется окончательной деградацией курий ко времени появления «Новой истории» и безнадежно далеко зашедшей дифференциацией куриалов, в результате которой верхушка сословия слилась с чиновной знатью²², определенную часть которой Зосим ненавидел. Здесь не следует забывать, что Зосим сам был чиновником, правда, чиновником, который стоял в оппозиции к автократии.

Таким образом, оказывается, что, глубоко симпатизируя городам как таковым, Зосим не выражает достаточного сочувствия социальным группам, на которых зиждился классически имперский полис, — плебсу и куриалам. Может быть, Зосим, трезво оценивая обстановку, считал эти группы уже неспособными сохранить античный город? Ведь именно ко времени появления его труда, на рубеже V—VI вв. император Анастасий, как отмечал Иоанн Лид²³, «уничтожил курии», т. е. были проведены городские реформы, которые, отражая реальную ситуацию, ликвидировали власть курий в пользу независимых от отжившего античного самоуправления ктиторов²⁴.

Зосим не выражает особой симпатии и к сенаторскому сословию. Хотя историк в общем одобрительно относится к участию сената в государственных делах (I, 37.2), порицает императоров, третирующих сенаторов или даже наказывающих их смертью (I, 7.3; 19.2), он же подчеркивает и слабости сената перед лицом деспотичной императорской власти. Особенно ярко это представлено в рассказе об обращении Феодосия I к римскому сенату с требованиями принять христианство и отменить государственные расходы на языческий обряд: подчеркнута, с одной стороны, верность сенаторов «обычаям предков», а с другой — их уступчивость автократу (IV, 59). Зосим также отмечает нерешительную позицию сенаторов Константинополя в вопросе об объявлении войны узурпатору Максиму (IV, 44.2). В целом деятельность *hoi arêtes gerousias* не привлекает особого внимания автора «Новой истории», а редкие эпизоды, упоминающие их, не содержат категоричной оценки места сенаторов в жизни империи. Возможно, причиной этому явился далеко зашедший в V в. процесс сближения крупных земельных собственников-сенаторов с новой служилой знатью²⁵, которую Зосим критиковал. С другой стороны, византийские сенаторы V—начала VI в.

мало походили на языческую оппозиционную аристократию Рима: они обладали слабой родовой традицией²⁶, были разбавлены аноблированными «худородными» выскочками²⁷, а в религиозных делах ортодоксальны²⁸. Подобные обстоятельства Зосиму импонировать не могли.

Во внимании нашего историка к качествам начальствующих лиц проглядывает его профессиональная принадлежность. Будучи комитом и адвокатом фиска, Зосим мог убедиться в действенности тех или иных сторон позднеантичной бюрократии. Однако черты идеального администрирования у автора «Новой истории» прекрасно уживаются с качествами правителей, проистекающими из шкалы староримских ценностей.

Знатность, происхождение из «доброй семьи» безусловно имеют для Зосима положительное звучание (I, 21.1; IV, 13.2—3; 41.2). В то же время он не старается проследить родовитость своих героев, а к незнатым лицам, если они оппозиционны автократорам, относится даже с симпатией. Родовитость отступает перед доблестью, мужеством (I, 39.2; 54.1—2; II, 51.4; IV, 40.4—5), рассудительностью (I, 66.2) — качествами, способствующими успешным мероприятиям. Наиболее часто как положительная черта императора или чиновника отмечается рвение в устройстве наилучшим образом государственных дел (I, 29.2; 62.3; 65.1; IV, 42.4; 45.2; 51.3). Чуть ли не идеальным магистратом выглядит в «Новой истории» сановник Лукиан, который, «выказав по отношению к подчиненным всяческую начальническую доблесть, был славен справедливостью, здравомыслием и всем, что может украшать начальствующих, — не обращавший внимания ни на неравенство лиц, ни на что-либо иное за исключением того, что диктовал закон» (V, 2.2). Умение назначить на важные посты достойных и дельных людей, которые «смогут лучшим образом распорядиться делами подданных» (IV, 45.2), является заслугой правителя. В то же время Зосим восхваляет императоров и полководцев, самолично выступающих на защиту империи (например, I, 30.2; 67.1; 68.3; IV, 49.3) и заботящихся о войске. Одним из выдающихся качеств военачальника Генерида оказывается забота о сохранении в целостности жалованья подчиненных и поощрение лучших — явление редкое в эпоху коррупции и казнокрадства (V, 46.4). Достойного политического деятеля отличают также милостивое отношение к побежденному врагу (I, 51.3; 52.1; 56.2), кротость (II, 14.2) и человечность (V, 46.3—4).

Огромное значение для успешного управления государством, считает Зосим, имеют образованные люди, философы. Иметь возле себя подобных гражданских советников — большое достоинство для императора. Недаром историк негодует на убийство Папиниана, человека справедливого, мудрого толкователя законов, назначенного Септимием Севером опекуном над Антонином и Гетой (I, 9). Зосим скорбит и о гибели Ульпиана, видного юриста, способного в совершенстве управлять делами, при Александре Севере (I, 11.2—3). Большой ущерб правлению Гордиана нанесла смерть префекта претория Тимесиклея, человека образованного (I, 17.2; 18.2). Зосим сетует и на казнь благородного философа Лонгина, осуществленную Аврелианом (I, 56.3), и на преследования философов и риторов при Валенте (IV, 14.2; 15.1—3).

Если учесть традиционное римское представление об образованности и культуре как об элементах, обеспечивающих наряду с другими прочностью и единство римской державы, то возведение Зосимом образованности в ранг силы, направляющей правителя по истинному пути, показывает идейную близость нашего историка к тем муниципальным рабовладельческим кругам, чью программу в свое время выражал Филострат²⁹. Однако вряд ли эта близость была значительной. Во-первых, Зосим в своих политических взглядах, в отличие от филостратовского Аполлония, не вменяет правителю (дабы он не превратился в тирана)³⁰ в обязанность благочестие большее, нежели другим людям. Для автора «Новой истории» все римляне одинаково ответственны перед старой полисной религией. Во-вторых, историка не интересует принцип выборности императоров; за немногими исключениями они воспринимаются как данность. Иными словами, Зосим молчаливо соглашается с престолопреемственностью домината. И, наконец, взгляд Зосима на связь идеальной императорской власти и божественной благодати, в сравнении с харизматическими идеями Аполлония, крайне упрощен: правителю следует лишь педантично соблюдать «отеческую веру» и не быть тираном.

Автор «Новой истории» при всяком удобном случае старается подчеркнуть благотворное воздействие образованных людей на государственные дела. Стоик Афинодор заставлял прислушиваться к своим советам Августа (I, 6.2). Софист Либаний блестящей речью отвратил от антиохийцев гнев императора Феодосия I (IV, 41.2). Образованность и добродетель Музония и Аксиоха противопоставлены порочности их брата Антиоха, сыгравшего роковую роль в греческих событиях начала V в. (V, 5.2). Именно образованного и доблестного мужа Иовия послал узурпатор Константин III для переговоров с Гонорием (VI, 1.1). Даже тиран Евгений привлекает к себе Зосима образованностью, знанием ораторского искусства и остроумием (V, 54.1).

Преклонение историка перед носителями античной культуры переплетено здесь с его ориентацией на языческую интеллигенцию как на особый социальный слой, оказывающий положительное влияние на общественные дела.

Как уже отмечалось, в социальных и политических воззрениях Зосима присутствует слабый отзвук республиканских настроений начала нашей эры³¹. Однако автор «Новой истории» скорбит о погибшей республике только потому, что она позволяла расширяться римской державе при сохранении аристократических порядков (*ta tes aristokratias*), когда не существовало опасности правления по инициативе и произволу одного человека (I, 5.2). В самом деле, Зосим считает монархию чреватой возможностью перерастания в тиранию, когда нарушаются границы императорской власти (*hoi horoi tes basileias*), расстраиваются государственные должности и царит беззаконие. Тогда автократор управляет подчиненными как рабами (*oiketias tous archomenous hegoumenous*), льстецы, удастаиваемые даров и почестей, достигают величайших постов, а покладистые и незнергичные люди (*hoi epieikeis kai apragmones*) справедливо негодуют (I, 5.3—4). Симптомы подобной

опасности появились уже при Августе³². В целом, по мнению Зосима, к тирании склонялось большинство автократоров.

Но наш историк не связывает с установлением империи территориальное уменьшение римской державы,— наоборот, вплоть до гибели Юлиана Отступника самые сокрушительные поражения римлян на востоке не позволяли персам отторгнуть у них какие-либо земли (III, 32.4—6)³³.

Таким образом, монархию как таковую Зосим не рассматривает как потенциальное зло. Весь вопрос в личных качествах императора, его советников и чиновников. Поэтому не следует видеть в авторе «Новой истории» убежденного сторонника аристократической республики, как это делают Н. Н. Розенталь³⁴ и Э. Кондураки. Зосим — за империю, но управляемую образованными и доблестными лицами, удовлетворяющими интересы городов и придерживающимися «обычаев предков».

Идеалу правителя, по мнению Зосима, целиком соответствует Юлиан Отступник. Как верно подчеркнул Д. Е. Фурман, «Новая история» является важным звеном в полемике, которая велась и ведется по поводу оценки деятельности этого императора³⁵. Еще Евагрий, «изничтожая» Зосима, сравнивал его вероисповедание с «религиозными заблуждениями» Юлиана³⁶. Зосим не скрывает своих особых симпатий к сыну Юлия Констанция. «Конечно, содеянное Юлианом...уже было описано писателями и поэтами в многострочных книгах, но в то же время, пожалуй, никто из писателей не постиг ценности дел его» (III, 2.4.). Юлиан импонирует Зосиму своей близостью к афинским философам-язычникам, образованностью, в которой превзошел наставников (III, 2.1). С другой стороны, Юлиан в «Новой истории» — прежде всего полководец и устроитель единой римской державы. Еще А. Пиганьоль предположил, что разделы о религиозной политике Юлиана были изъяты из труда нашего историка христианами писцами³⁷. Как бы то ни было, Зосим отмечает, что Юлиан, еще будучи соправителем Констанция, уделил огромное внимание организации войска в Галлии, выказал заботу о пришедших в упадок тамошних городах (III, 3.2—3) и одержал блестящие победы над германцами (III, 4.1—2). В результате побед над бесчисленными варварами Юлиан, по мнению Зосима, сравнился с Александром Македонским (III, 3.3). В итоге ни Италия, ни Иллирия не испытывали опасности от германцев. До самой кончины Юлиана варвары вели себя мирно, страшась его, и лишь при последующих правителях избавились от страха (III, 8.1; IV, 3.4; 9.1).

Юлиан, по концепции Зосима, ради внутреннего мира благоразумен и предан своему царственному покровителю Констанцию (III, 5.4; 8.3—4). Вина за разрыв между правителями и развязывание гражданской войны целиком лежит на Констанции и, косвенно, на солдатах Юлиана, насильно возложивших диадему на цезаря (III, 8.3; 9.2—5).

Юлиан человеколюбив и милостив: о его человечности знают варвары, намеренные прибегнуть к покровительству цезаря (III, 6.3); он растроган слезами германского вождя и дает гарантии достойного обращения с его сыном-заложником (III, 7.7). Даже антиохийцев, покрывших его оскорблениями, он не подверг каре (III, 11.4).

Войдя в Константинополь, Юлиан с восторгом принят горожанами, видевшими в нем будущего виновника величайших благ. И они правы: Юлиан разрешает Константинополю, как и Риму, иметь сенат, производит великолепные постройки (III, 11.2—3), а жителям Антиохии позволяет увеличить число членов городского совета (III, 11.5).

Зосим подчеркивает, что Юлиан был любимцем солдат — вследствие простоты образа жизни, мужества в сражениях и «из-за других доблестей, в которых он превзошел... всех людей» (III, 5.3). Полководческие таланты императора раскрываются в восточном походе. Юлиан проводит необходимую работу по укреплению границ на Тигре, разрабатывает план кампании и лично возглавляет войско, не пожелав наблюдать за ним из безопасного укрепления (III, 12.4—5; 13.1). Он щедро одаряет солдат после взятия Версаворы, личным примером увлекает воинов в переходе болотистой равнины, как простой воин сражается один на один и т. п. (III, 18.6; 19.3; 20.2; 22.1; 25.2—4). Историк превращает рассказ в откровенный панегирик, не стесняясь своих восторгов перед гением Юлиана³⁸.

Критические нотки в адрес Юлиана у Зосима очень слабы. Известный упрек императору содержится в рассказе о начале похода: войско вышло из Антиохии даже при наличии неблагоприятных предзнаменований (III, 12.1). С другой стороны, приказ Юлиана сжечь грузовые суда римлян — акт, явившийся по логике повествования одной из причин провала экспедиции, — подвергается только косвенному осуждению (III, 26.2; 28.3).

Кончина Юлиана, по Зосиму, имела драматические последствия. Жители Карр чуть не побили камнями человека, принесшего скорбную весть, а города, мимо которых проходило возвращавшееся войско, погрузились в печаль (III, 34.2—3). Уже говорилось о тезисе Зосима, что только кончина Юлиана способствовала отторжению персами в свою пользу римских земель, «потому как до сего времени императоры римлян оказались не в состоянии получить обратно что-либо из них» (III, 32.6). Таким образом (и в этом следует согласиться с В. Кэги³⁹), правление Юлиана завершает известную эпоху существования империи. Данным приемом обеспечивается не только возвеличение автократора, которому отданы симпатии Зосима, но и порицание последующих правителей, виновных в упадке державы.

Рассмотрев основные позитивные для Зосима социальные (и отчасти политические) объекты, можно прийти к выводу, что его ориентация на римский полис неполна: слабое внимание к плебсу, куриалам, сенаторам и в принципе лояльное отношение к доминату (если политика проводится лицами типа Юлиана), видимо, обуславливают поиск социальных ориентаций автора «Новой истории» не в муниципальных группах рабовладельческого общества классической империи, а среди переходных к новой эпохе категорий социальной структуры ранневизантийского города. В этом отношении симпатии Зосима могут показаться не столь консервативными, как представлялось бы раньше.

Своим идеалам Зосим противопоставляет круг лиц и обществен-

ных групп, связанных с теми сторонами режима домината, которые способствовали, по мнению нашего историка, ухудшению дел.

Критика христианского духовенства у Зосима хоть и немногословна, но довольно резка. Очевидно, христианские доктрины сами по себе Зосима не интересовали. Для него были важнее глубокие социальные последствия, обусловленные влиянием христианства не просто на историю империи⁴⁰, а на социально-политическую сферу в целом. Недаром он нападает на монахов как на безбрачных лиц, наполняющих города и селения, уваливающих от военной службы и присваивающих земли под предлогом отторжения доли благ для бедняков (V, 23). Безбрачие, отчуждение от общественных повинностей и покушения на муниципальные земли несомненно представлялись Зосиму отрицанием не просто моральных норм античности, но и норм социальных отношений, освящаемых римским классическим правом, норм полисной жизни. Зосим возмущен смутой, устроенной монахами в столице (V, 23.4—5), он обвиняет Иоанна Златоуста в подстрекательстве к бунту константинопольской «черни» (V, 23.4, 6; 24.3), обнаруживая не только страх перед социальными движениями, но и ненависть к христианскому клиру как к проводнику порой опасных для общественного спокойствия идей⁴¹.

Возможно, отсутствие в «Новой истории» частых обличений клира и церкви как организации, враждебной античности, объясняется тем, что Зосим просто не имел подобной цели. Время резких нападков на христианство и аргументированных разоблачений его догматов к VI в. миновало: церковь из гонимой давно превратилась в господствующую и вошла как необходимая составная часть в систему домината. Острая критика в ее адрес стала опасной. С другой стороны, критический арсенал фактов, логических доводов и построений, используемый язычниками против христианства, к этому времени оказался исчерпан. Зосим, конечно, не был индифферентен к борьбе христианства и язычества⁴², но его язычество, как заметил Р. Ридли, не являлось доктриной⁴³. Ненависть к господствующей религии со стороны Либания, Евнапия и Зосима была бессильной⁴⁴.

Особое место в «социальной шкале» автора «Новой истории» занимают «худородные» лица, добравшиеся до кормила власти. Из-за этого историк презирает императоров Максимиана (I, 13.3) и Константина I (II, 8.2). Ничтожными людьми называет он Динамия и Пицентия, стремившихся интригами против Галла выбиться вперед в правление Констанция (II, 55.3). Вслед за смещением после смерти Юлиана его сторонников высшие посты получили лица, применительно к которым, считает Зосим, единственно разумным представлялось только то, что если кто-то из них по справедливости нес наказание, то снисхождения не было (IV, 2.4). Гибельным для дел казалось Зосиму и засилье всяческих шарлатанов и развращенных лиц при Феодосии (IV, 28.4—29.1; 33.4).

Особенно ярко видны аристократические черты и нотки «столичной исключительности» историка в описании процесса сановника Тимасия. Зосим целиком на стороне тех, кто считал недопустимым, чтобы про-

винциал доносчик Варг, «колбасник, сделался судьей лица, выдающегося такими должностями и достоинствами» (V, 9.3)⁴⁵. С грустью описав осуждение Тимасия, Зосим отмечает, однако, торжество справедливого возмездия: Варг пал вследствие доноса своей же сожительницы (V, 10.3).

Особой категорией лиц, имеющих силу в ведении государственных дел и вызывающих ненависть автора «Новой истории», являются евнухи. Зосим резко порицает императора Клавдия, передавшего дела евнухам-вольнотпущенникам (I, 6.3). В описании заговора Прокопия в неприглядном свете представлен выгнанный из дворца евнух Евгений (IV, 5.4). Историк осуждает Валентиниана и Валента, погрязших в интригах евнухов-кувикуляриев (IV, 22.4), подчеркивает коварство придворных, с помощью евнухов оклеветавших перед Констанцием цезаря Галла (II, 55.2), критикует правление Аркадия, при котором евнухи связали себя с сикофантами, а императрица потворствовала их алчности (V, 24.1—2). С горькой насмешкой рассказывает Зосим о том, как император Гонорий счел великой пользой для государства награждение евнухов Арсакия и Теренция, вернувших матери опальную императрицу Фермантию и погубивших Евхерия, сына Стилихона (V, 37.4—6). Наветы евнухов погубили и правителя Западной империи Олимпия (V, 46.1).

Особенно глубокие инвективы Зосим уделяет евнуху-временщику Евтропию (V, 9—11, 17, 18). Примечательно, что развенчивая правление этого человека, историк критикует верхушку торгово-ростовщической знати Константинополя и части провинциальных центров, добившуюся при Евтропии временного преобладания⁴⁶. Как было показано Г. Л. Курбатовым, в V—VI вв. в провинциальных центрах Византии увеличился вес торгово-купеческой верхушки, эксплуатировавшей мелкое ремесленное производство, и возросло влияние ростовщических кругов за счет экономического упадка античного города в целом⁴⁷. Если к тому же учесть ненависть Зосима к ростовщикам и менялам (и вообще его понимание богатства), а также симпатии к городам, то критика правительства 395—399 гг. на рубеже V—VI вв. не вызовет удивления.

Таким образом, «худородные» должностные лица и евнухи, пробравшиеся к власти, являются для Зосима категорией *homines novi*, персонами «нон грата», которые оказываются противоположны желанным для руководства государством людям, знатым и образованным.

Не ограничиваясь подобной констатацией, автор «Новой истории» подробно, не жалея красок, описывает последствия прихода к государственному кормилу этих «новых людей». Характерно, что при огромном внимании к негативно оцениваемой административной и политической деятельности военно-чиновной знати IV — начала V в. Зосим, как мы видели, приводит в общем немного сведений о положительных администраторах (исключение — Юлиан). С одной стороны, это можно объяснить стремлением историка очернить реформы «великого новатора» Константина I, способствовавшие бюрократизации и усилению военно-чиновной знати⁴⁸. Но с другой стороны, что представляется более существенным, подобный прием инвективы мог быть вполне освоеном лицом, отражавшим взгляды части служилой знати (как-никак, Зосим

был адвокатом фиска), тесно связанной с доходами от городских имуществ, на которые покушалась верхушка военных, чиновников и ростовщиков, т. е. те же самые *homines novi*. Видимо, в связи с этим наш историк наиболее серьезное внимание уделяет рассмотрению работы судей, покушениям на собственность граждан и налоговой политике.

Деятельность неправедных судов при деспотичных правителях под пером Зосима выглядит как одна из самых мрачных черт общественной жизни империи. Будучи лицом, несомненно связанным с юридической практикой, автор «Новой истории» приходит в ужас от нарушений законности. Распушенность императора Карина, по его мнению, доходила до казни людей, не совершавших ничего противозаконного (I, 72). Валентиниан и Валент, едва придя к власти, обрушились на сторонников Юлиана, в результате судьи выдвигали против них обвинения, пренебрегая процессуальными нормами (IV, 2.1). Зосим возмущается террором, развернутым Валентом против лиц, подозреваемых в ворожбе и покушении на императорский престол⁴⁹. Преследуя мнимых заговорщиков, судьи применяли пытки, тюрьмы были полны необоснованно схваченными людьми, по дорогам вели массу арестованных (IV, 14.2—3). С особым негодованием отмечает историк, что следствие было перенесено в среду правящих особ (*hoi prosopoï achthentes*), а осужденные приговаривались к смерти без положенных по закону доказательств (IV, 14.1, 4). Тогда образованные и достойные люди были осуждаемы скорее завистью, нежели «справедливым постановлением» суда (*fithono mallon e dikaiã katakrithentes*). С не меньшей злобой обрушивается Зосим на суды, творимые при Руфине⁵⁰. По мысли автора «Новой истории», при Руфине и Стилихоне «все суды выносили решения по их произволу, и купивший постановление деньгами или иначе — использовавший родство для благосклонности лиц, осуществляющих суд,— уходил взявшим верх» (V, 1.1).

Уже упомянутый процесс Тимасия служит у Зосима образцом неправедного суда: с помощью лжесвидетеля Варга, а также из-за льстеца Сатурнина, «привыкшего в судах выполнять желания и намерения лиц, приближенных к императору», Тимасий был сослан (V, 9). С горькой иронией отзываясь историк о судьбе Прокопии, наивно полагавшем открыты на этом процессе истину путем откровенности (V, 9.4). Никакой пользы она не принесла.

Жестоки были суды также в правление Олимпия на Западе, когда Гонорий попал под власть этого магистра оффиций, а сторонники и родственники Стилихона преследовались и сажались в тюрьмы (V, 35.1—2; 44.2).

Из «Новой истории» вытекает, что описываемые судебные процессы в основном проводились в интересах хищной верхушки военно-чиновной знати, прочно связанной с автократией. К тому же с IV в., как известно, военно-чиновная знать Византии активно пополнялась выходцами из неимущего плебса и даже варваров. Приобретая вес в административном аппарате, титулы и места в сенаторском сословии⁵¹, эта знать беззастенчиво грабила куриалов и плебейские массы⁵², нанося ущерб муниципальной собственности. Становясь в оппозицию верхушке военно-

чиновной знати, Зосим ратовал и за «справедливое» ведение процессов.

По той же причине настоящую ярость автора «Новой истории» вызывает покушение на собственность граждан, санкционированное императорским произволом. Уничтожающей критике подвергнут Зосимом император Максимиан, отбиравший имущество граждан (I, 13.3). В неприглядном свете представлен Максенций, который после победы над своим соперником Александром дал сикофантам возможность доносить на имеющих достаток жителей Ливии как на приверженцев Александра; в результате убивались и лишались имущества совершенно безвинные люди (II, 14.4). Даже потребность в пополнении казны не оправдывает, по Зосиму, конфискации имущества осужденных лиц, как это было при Валенте (IV, 14.4). Особо суровому осуждению подвергнуты Руфин и Стилихон, чей произвол заставлял богатых граждан совершать подкупы и таким путем избегать наветов (V, 1.2). «Когда всяческий вид подлости господствовал над городами, богатство со всех сторон попадало в дом Руфина или Стилихона, а бедность по каждой области распространялась в домах лиц, некогда бывших богатыми» (V, 1.3). После падения Руфина евнух Евтропий, встав во главе правительства Византии, захватил в свою пользу его состояние и также обирал имущих подданных (V, 12.1—2).

Нарушение прав частной собственности, осуществляемое автократией, рассматривается Зосимом преимущественно в тех случаях, когда подобная практика касается лиц имущих. Автор «Новой истории» обозначает этих граждан как *echontes tas ousias, eudaimanoi, hoi ploutountes*, т. е. терминами довольно неопределенными, что затрудняет выявление социального статуса граждан. Подобный прием позволял Зосиму создавать впечатление, что произвол касался широкого круга имущих лиц и что сам историк обличает правительство от лиц собственников в целом.

Большое значение в деятельности того или иного правительства Зосим придает налоговой политике. Яркие картины налогового произвола при Константине и Феодосии перемежаются сообщениями о тяжести податей при Валентиниане I, Валенте и Евтропии. Основная причина повышения налогов Валентинианом — рост военных расходов; податной же гнет при Константине и Феодосии был вызван неразумными тратами правительства. В обоих случаях ответом явилась ненависть подданных (II, 38.2—3; IV, 3.2; 16.2). Зосим утверждает, что при Феодосии жители Македонии и Фессалии, страдая от сборщиков налогов, с плачем призывали недавно господствовавших над ними варваров, так как те довольствовались лишь умеренной податью (*ho foros metrios*) и не причиняли зла городам (IV, 31.5). Зосим понимает значение податей для содержания армии и лимеса. Он восстает не против налогов вообще, а против налогов, «превышающих надлежащую меру» (*hai eisforai hyperbainontes to metrion*), обогащающих чиновников и вводящих граждан в нищету (IV, 29.1). Слово предостерегая алчных правителей, Зосим показывает, что невыносимые налоги вызывают бунты и отпадение провинций (I, 20.2; IV, 16.3).

Критика «неправедных судов», нарушений классического права и налогового произвола была для рубежа V—VI вв. весьма злободневной.

По мнению Г. Л. Курбатова, именно вторую половину — конец V — начало VI в. можно считать переломным периодом в изменении к худшему экономического положения массы свободного городского населения⁵³. Следует также помнить тенденцию правительств Анастасия I, а затем Юстиниана I игнорировать мнение сената и народа в проведении политики⁵⁴. Эти факторы, наряду с прочими, вызвали к жизни серию городских восстаний и усиление оппозиции в части господствующего класса. Порицая подобную политику христианских правителей, Зосим наверняка отражал одно из направлений оппозиции.

В то же время внутренние усобицы и гражданские войны производят на Зосима удручающее впечатление. Борьба Суллы и Мария, Цезаря и Помпея погубила республику (I, 5.2); безумие преемников Диоклетиана потрясло и расстроило государство (II, 10.4—5). Глубокая горечь историка чувствуется в описаниях сражений Константина с Максенцием и с Лицинием, а также Констанция с Магненцием, чудовищных по человеческим потерям. Порой сами полководцы ужасались этим потерям и торопились идти на мировую (II, 51.1). Тираном и возмутителем спокойствия считает Зосим Прокопия, возглавившего восстание против Валента (IV, 5.3). Осуждает историк и узурпатора Максима, уничтожившего Грациана, вызвавшего войну, но в конце концов понесшего достойное наказание (IV, 35.3—46). Тираном назван даже Евгений, выдвинутый на римский престол Арбогастом вместо убитого Валентиниана, хотя Зосим симпатизирует этому тирану как человеку, продолжившему политическую линию Юлиана (IV, 54—58). Историк критикует и Константина III, узурпировавшего императорскую власть в Британии (VI, 2—6).

Зосим одобряет наказание изменников, узурпаторов и бунтовщиков. Таковы были меры Аврелиана в отношении бывших приверженцев Зенобии (I, 56.2), галльского правителя Тетрика (I, 61.2), мятежных александрийцев (I, 61.1). Даже наказание Константином сторонников Максенция выглядит положительным актом (II, 17.2).

Таким образом, внутренний мир, единство империи, не нарушаемое социальными и сепаратистскими движениями, выступает идеалом Зосима.

Отрицательные качества правителей, по мнению историка, не только способствуют мятежам, но и вообще оказывают негативное воздействие на положение государственных дел. В частности, непрочность власти влечет за собой подозрительность правителя по отношению к подчиненным. Образцом недоверия ко всем и вся был император Констанций, который «не решался выбрать соучастника правления по причине избытка властолюбия и из-за того, что так как все находятся под его подозрением, совершенно никто не будет относиться к нему благосклонно» (III, 1.1). Подозрительность Констанция к собственной родне, присущая ему от природы, погубила многих лиц из дома «вторых Флавиев» и создала угрозу цезарю Юлиану (III, 1.2; 2.2). Эта же черта была свойственна автократорам Валентиниану и Валенту: их подозрение в отношении Прокопия вылилось в попытку арестовать его и толкнуло Прокопия на восстание (IV, 5.1—2). С другой стороны, подо-

зрительность Валента «ко всем лицам, прославленным в то время в области философии или только вскормленным речами, и — кроме того — к некоторым из почтенных лиц во дворце» погубила множество достойных людей (IV, 14.2). Тяжелая болезнь навела императора Валентианиана на подозрение, что его околдовали друзья покойного Юлиана; в результате обвинения коснулись некоторых знатных лиц (*tines epifanes*), вызывающих сочувствие Зосима (IV, 1.1). С подозрением относились друг к другу Грациан и Валент (IV, 24.3), а в дни осады Рима Аларихом сенат совершенно необоснованно взял под подозрение Серену, вдову Стилихона (V, 38.1—2). Придав таким образом черте человеческого характера социальное звучание, Зосим доказывает ее категорическую негативность для взаимоотношений внутри господствующего класса. По Зосиму, подозрительность неизбежно связана с автократическим произволом, дезорганизует общество и угрожает его стабильности.

Недостойным правителя качеством историк считал лживость, хотя известные приемы хитрости (особенно военные) он признает. Он упрекает в клятвопреступлении Максимиана Геркулия, человека «неугомонного и ненадежного» (II, 10.2; 10.6), а обман Констанция в отношении Ветраниона описывает во всех подробностях (II, 44). К чистой лжи прибегают Руфин, убедив несчастного Тациана вызвать сына, который сразу угодил в тюрьму (IV, 52.3). Обманщиком и интриганом называет Зосим Олимпия, очернившего Стилихона (V, 32.1—2). Очевидно, честность Зосим считал необходимым для правителя качеством: она может обеспечить спокойствие в государстве и уважение подданных к судам. Но честность для Зосима — идеал прошлого. Описываемая им действительность не оставляет ей места.

При всем своем уважении к богатству Зосим резко порицает тех правителей, чьей чертой явилась алчность. Бесчинства и жадность привели к гибели Домициана (I, 6.4). Сребролюбие стало отрицательной стороной характера Александра Севера (I, 12.2). Корыстолюбие Максимиана возмутило жителей Ливии (I, 13.3). Спарта пала жертвой готов из-за того, что она была лишена материальных средств для защиты вследствие алчности римлян (*dia ten ton Romaion pleonexian*), ослабивших Грецию (V, 6.5).

Изрядным злом царствования Зосим считает праздность, нерадивость или, наоборот, бахвальство и прожектерство. Даже Александр Север не избег критики за медлительность в войне с варварами (I, 13.2), не говоря уже о Валенте, ведущем праздный образ жизни и потому согнувшимся под бременем дел, когда получил императорскую власть (IV, 4.1; 7.3). Император Аркадий в изображении историка выглядит такой тряпкой, что им помыкают не только временщики, но и собственная жена (IV, 12.1; 24.2) Его брат Гонорий бездеятелен и труслив (VI, 8.1—3). Проведенные при нем назначения военачальников столь бездарны, что «все, оставив надежды, полагали, будто видят перед собой погибель Италии», которой угрожали готы (V, 36.3).

С другой стороны, префект Рима Аттал, объявленный императором под давлением Алариха, явился типичным авантюристом. Прибыв в

сенат, «он произнес речь, насыщенную бахвальством, хвастая, что приобретет римлянам всю землю...» (VI, 7.3). Борьба с комитом Африки Гераклианом раскрыла недееспособность Аттала, сумасбродно принявшегося «за бесполезные дела» (VI, 9.1—3).

Неприемлемым для императора качеством Зосим считает юный возраст. Молодость связана с запальчивостью, необдуманностью и скоропалительностью в решениях. Масса преступлений императора Карина связана именно с этим (I, 72). Молодые правители разожгли обуицу после правления Диоклетиана (II, 10.4). Молодость и честолюбие погубили императорского секретаря Феодора, поддавшегося льстецам и захотевшего стать правителем вместо Валента (IV, 13.3). Большой помехой стал юный возраст для Валентиниана II, опекаемого матерью (IV, 47.2), для Аркадия, попавшего под власть Руфина (IV, 57.4), и для Гонория, подчинившегося Стилихону (V, 1.3). Исключением из правила явился лишь Юлиан Отступник, чьи молодые годы не помешали совершить множество подвигов (III, 5.3).

Все негативные черты правителей, оттеняемые автором «Новой истории», концентрируются преимущественно в двух императорах — Константине I и Феодосии I. Здесь Зосим совершенно теряет чувство меры: гиперболические инвективы переходят в прямую клевету. Ярость историка понятна: именно при Константине и Феодосии был нанесен ряд последовательных ударов по социальным группам, которым Зосим сочувствовал; именно при этих императорах христианство жестоко потеснило язычество не только в идеологической, но и в социальной сфере. В этом отношении мы не можем согласиться, например, с И. Фогтом, который видит в нападках автора «Новой истории» на Константина в основном презрение образованного язычника к «новой вере»⁵⁵.

Как уже отмечалось в литературе, Зосим третирует Константина не только как «худородного», алчного и подозрительного правителя, клятвopреступника, убийцу своих родных⁵⁶, но и как инициатора вредных военно-административных и фискальных мероприятий, послуживших началом (ten archen) упадка Римской империи⁵⁷. Протест против режима Константина оборачивается у Зосима протестом против нововведений вообще. Но мы не согласны с И. Штраубом, видящим прямую связь между констатацией Зосимом разрушения империи и забвением отеческих обычаев со стороны Константина⁵⁸. В «Новой истории» лишь приводятся факты постыдного «обращения» Константина, его отхода от истинного пути (IV, 36.4)⁵⁹. Остается предположить, что негативные последствия правления этого императора Зосим видел главным образом в «новаторских» административных мероприятиях, в выдвижении *homines novos* и преследовании положительных лиц. Губительное влияние христианства остается здесь как бы в подтексте. В самом деле, Константин, возмущает историк, «осуществил дарения, совершавшиеся не в силу необходимости, а для недостойных и бесполезных людей (*eis anaxious kai anofeleis anthropous*), растрачивая подати и становясь тягостным для плательщиков, — однако обогащая влиятельных лиц, что не приносит никакой пользы (*tous moden ofelein dunatempous*)...» (II, 38.1). Траты повлекли за собой введение хрисаргира и

навязывание «людям славной судьбы» (tois en lampra tuche) за огромную плату достоинства претора (II, 38.2—3). Имущества «светлейших лиц» (tas ton lamprotaton ousias) были переписаны и обложены другим налогом, фоллисом. «Столькими податями он совершенно истощил города» (II, 38.4).

Много яда изливает Зосим и на Феодосия I, чье правление характеризуется резко отрицательно. Поскольку в одной из статей мы уже останавливались на этой характеристике⁶⁰, то сейчас лишь констатируем: объектами критики Зосимом в деятельности Феодосия явились в основном также административно-военные нововведения, засилье и произвол «недостойных» магистратов, благосклонное отношение императора к варварам-наемникам и налоговый гнет. Иными словами, Зосим видит в Феодосии продолжателя пороков Константина, а в его царствовании — важную фазу, при которой римская держава претерпела изменения, повлекшие за собой тяжкие последствия⁶¹.

Очевидно, в описании правлений Константина и Феодосия Зосим постарался оттенить не только негативные моменты политики, которые мы рассмотрели особо («неправедные» суды, чрезмерные налоги и т. д.). Зосим отчетливо противопоставляет категорию «недостойной» служилой знати (точнее — верхушку этой знати), выдвинувшейся при указанных императорах, состоятельным «светлейшим», чье благополучие связано с городами.

Однако, суммируя все сказанное, мы не можем утверждать, что историк защищал позиции абстрактных «законопослушных», «образованных» и «благородных» горожан. Расплывчатость подобной терминологии «Новой истории» была вызвана определенными причинами. Во-первых, Зосим сознательно «затуманивал» социально-сословную принадлежность групп, изображенных объектами императорского деспотизма, с целью искусственно расширить круг лиц, от имени которых он брался выступать. Во-вторых, положение тех групп господствующего класса, которые Зосим защищал, отличалось противоречивостью. В IV—V вв. слияние верхушки куриалов, senatorской прослойки и военно-чиновной знати в единый социальный слой сопровождалось их обогащением за счет средних и мелких муниципальных землевладельцев и упадком полисной организации⁶². Против этой «новой» знати и защищавших ее автократов критика Зосима была направлена в первую очередь. Но историк, ратуя за справедливое правление в духе Юлиана, за образованных администраторов-философов, т. е. служилую знать, защищавшую интересы полисов, не мог не видеть глубокого упадка сословий, на которых полисы держались. Поэтому куриалам вообще и плебсу в «Новой истории» уделено крайне мало места, а основное внимание сосредоточено на административной деятельности в отношении городов. На рубеже V—VI вв. характер и методы подобной деятельности являлись крайне важными вопросами внутренней политики. Поэтому мы полагаем, что Зосим отражал взгляды части средней и мелкой служилой знати, которой в процессе упадка античного городского самоуправления государство передавало долю контрольных и управленческих функций в полисе. Эта категория знати могла генетически восхо-

дять к *ordo curialium* и верхушке городского плебса, что обеспечивало ее известную заинтересованность в сохранении муниципальных имуществ и остатков полисного самоуправления. Тем самым обуславливалось обращение симпатий Зосима в прошлое, к классическим формам изживавшего себя рабовладельческого общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Относительно полную библиографию Зосима см.: G. Moravcsik *Byzantinoturcica*, I. B., 1958, S. 576—579; F. Paschoud. *Zosime. Histoire nouvelle*, t. 1 (livres I et II). Texte établi et trad. par F. Paschoud. P., 1971, p. XCVII—CII. См. также рецензию А. П. Каждана на указанное издание Ф. Пашу (ВДИ, 1975, № 4, с. 169).

² E. Condurachi. Les idées politiques de Zosime.—“Revista Clasica”, 13—14, 1941/42, p. 115—127.

³ W. E. Kaegi. *Byzantium and the Decline of Rome*. Princeton, 1968, p. 99—145; A. Cameron. The Date of Zosimus' *New History*.—“*Philologus*”, 113, 1969, p. 106—110; D. Scavone. Zosimus and his Historical Models.—“*Greek, Roman and Byzantine Studies*”, 11, 1969, p. 57—67; R. Ridley. Zosimus the Historian.—BZ, Bd. 65, H. 2. 1972, S. 277—302; W. Goffart. The Historian Zosimus as a Witness to his Own Time.—“*American Historical Review*”, 86, 1971, p. 412—441; idem. Zosimus, the First Historian of Rome's Fall.—*Ibidem*.

⁴ W. E. Kaegi. *Op. cit.*, p. 107—108.

⁵ *Ibid.*, p. 115—118.

⁶ См.: А. П. Каждан. Рец.—ВДИ, 1975, № 4, с. 168.

⁷ T. E. Gregory. Zosimus 5,23 and the People of Constantinople.—*Byz.*, 42, 1973, p. 71.

⁸ Н. Н. Розенталь. Религиозно-политическая идеология Зосима.—В сб.: *Древний мир*. М., 1962, с. 611—617; З. В. Удальцова представила аргументацию более определенной. См.: З. В. Удальцова. Из истории византийской культуры раннего средневековья. (Мировоззрение византийских историков IV—VII столетий).—В сб.: *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. М., 1972, с. 263—264; Ее же. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 96.

⁹ А. П. Каждан. Рец., с. 168.

¹⁰ А. С. Козлов. «Проблема варваров» в «Новой истории» Зосима.—В сб.: АДСВ, вып. 14. Свердловск, 1977.

¹¹ W. E. Kaegi. *Op. cit.*, p. 99. Возможно, Зосим подпал под действие указов против язычников, изданных в Византии примерно в последней четверти V — начале VI в. (*Cod. Just.*, I, 11. 9—10).

¹² R. Ridley. Zosimus the Historian, p. 288—292; Idem. The Fourth and Fifth Century civil and military Hierarchy in Zosimus.—*Byz.*, 40, 1970, p. 91—102.

¹³ F. Paschoud. *Zosime. Histoire nouvelle t. 1*, p. LXI.

¹⁴ Idem. *Cinq études sur Zosime*. P., 1975, p. 207 sq.

¹⁵ Ссылки даются по изданию: Zosimi comitis et exadvocati fisci *Historia nova*. Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887.

¹⁶ О социальной опоре правительства Евтропия см.: А. С. Козлов. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг.—В сб.: АДСВ, Свердловск, 1976, с. 75.

¹⁷ T. E. Gregory. *Op. cit.*, p. 77.

¹⁸ *Ibid.*, p. 75.

¹⁹ Комментарий к данному пассажию Зосима см.: F. Paschoud. *Zosime. Histoire nouvelle*, t. 1, p. 249.

²⁰ Г. Л. Курбатов. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста.—В сб.: *Ежегодник музея истории религии и атеизма*, вып. 2. Л., 1958, с. 103.

²¹ T. E. Gregory. *Op. cit.*, p. 74.

²² Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития ранневизантийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, с. 152.

²³ Lydus Iohannes. De magistratibus populi romani libri tres, ed. R: Wuensch. Lipsiae, 1903, I, 26.

²⁴ История Византии, т. 1. М., 1967, с. 211; Г. Л. Курбатов. Основные проблемы..., с. 196—197; см. также: E. Stein. Histoire du Bas-Empire, v. 11. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 210—215.

²⁵ Г. Л. Курбатов. Основные проблемы..., с. 156.

²⁶ О различиях сенаторской знати Востока и Запада в IV в. см.: M. T. W. Agnheim. Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972.

²⁷ А. А. Чекалова. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в.—ВВ, т. 33, 1972, с. 25.

²⁸ Ch. Lescrivain. Le senat romain depuis Diocletien a Rome et a Constantinople. P., 1888, p. 223; ср.: P. Charanis. Church and State in the Later Roman Empire. The religion Policy of Anastasius the First, 491—518. 2. Ed. Thessalonike, 1974, p. 47.

²⁹ О социальной подоплеке взглядов Филострата и его сторонников см.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 284—293; Е. же. Кризис античной культуры. М., 1975, с. 163—165; Г. С. Кнабе. «Жизнеописание Аполлония Тианского», basileus chrestos и Тацит.—ВДИ, 1972, № 3, с. 31 сл.

³⁰ Ср.: Г. С. Кнабе. Жизнеописание..., с. 41.

³¹ E. Condurachi. Op. cit., p. 119—121; Z. Petre. La pensée historique de Zosime.—“Stud. class.”, 7, 1965, p. 263 sq.; F. Paschoud. Cinq études sur Zosime, p. 1 sq.

³² См. комментарий Ф. Пашу: F. Paschoud. Zosime. Histoire nouvelle, t. 1, p. 131—132.

³³ Ср.: F. Paschoud. Cinq études zur Zosime, p. 191, 195.

³⁴ Н. Н. Розенталь. Религиозно-политическая идеология Зосима, с. 612.

³⁵ Д. Е. Фурман. Внутренняя политика императора Юлиана (361—363 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 4.

³⁶ The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia. Ed. J. Bidez and L. Parmentier. L., 1898, p. 144 f.

³⁷ A. Piganiol. L'Empire chrétien (325—395). Ed. 2. P., 1947, p. VII.

³⁸ Ср.: W. R. Chalmers. Eunapius, Ammian Marcellinus and Zosimus on Julian's Persian Expedition.—CQ, 10, 1960, p. 152 f.

³⁹ W. E. Kaegi. Op. cit., p. 119.

⁴⁰ Ibid., p. 132 f

⁴¹ Из последних работ о единстве критики христианского духовенства и Иоанна Златоуста, в частности у Евнапия и Зосима см.: T. E. Gregory. Op. cit., p. 66—67.

⁴² W. E. Kaegi. Op. cit., p. 132—133.

⁴³ R. Ridley. Zosimus the Historian, p. 285.

⁴⁴ А. Ранович. Античные критики христианства. М., 1935.

⁴⁵ Ср.: F. Paschoud. Roma aeterna. Etudes le patriotisme Romain dans l'Occident latin a l'Epoque des grandes invasions.—“Bibliotheca helvetica romana”, 7, 1967, p. 84.

⁴⁶ А. С. Козлов. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг., с. 74—75; E. Demougeot. De l'unité a la division de l'Empire Romain, 395—410. P., 1951, p. 163 sq.

⁴⁷ См.: Г. Л. Курбатов. Основные проблемы..., с. 99—108.

⁴⁸ Н. Н. Розенталь был прав, говоря, что Зосим осуждал Константина не только за христианизацию, но и за бюрократизацию империи. См.: Н. Н. Розенталь. Религиозно-политическая идеология Зосима, с. 616.

⁴⁹ Более подробно о реакции современников на террор Валента см.: R. Mac-Mullen. Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest and Alienation in the Empire. Cambridge, 1966, p. 135 f.

⁵⁰ О критике правительства Руфина см.: А. С. Козлов. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг., с. 70—71.

⁵¹ E. Demougeot. De l'unité..., p. 35 sq.; R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines. I. Berlin—Amsterdam, 1967, p. 23 sq.

⁵² Г. Л. Курбатов. Основные проблемы..., с. 155.

⁵³ Там же, с. 148. См. также: Г. Л. Курбатов. К проблеме типологии городских движений в Византии.— В сб.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 1. Л., 1974, с. 57.

⁵⁴ Из последних работ по этому поводу см.: А. А. Чекалова. Восстание Ника и социально-политическая борьба в Константинополе в конце V—первой половине VI в.— В сб.: Византийские очерки. М., 1977, с. 158—180.

⁵⁵ См. в частности: J. Vogt. Niedergang Roms. Metamorphose der antiken Kultur. Zürich, 1965, S. 258—259; ср.: idem. Constantin der Große und sein Jahrhundert. München, 1973, S. 149, 260—261.

⁵⁶ Н. Н. Розенталь. Религиозно-политическая идеология Зосима, с. 615—616.

⁵⁷ W. E. Kaegi. Op. cit., p. 117—118.

⁵⁸ J. Straub. Christliche Geschichtsapologetik in der Kristis des römischen Reiches.— In: J. Straub. Regeneratio imperii. Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik. Darmstadt, 1972, s. 201.

⁵⁹ Подробнее о зосимовской версии «обращения» Константина I см.: J. Straub. Konstantins Verzicht auf den Gang zum Kapitol.— In: J. Straub. Regeneratio imperii, S. 106f.; F. Paschoud. Zosime. Histoire nouvelle t. 1, p. 219—224; Idem. Cinq etudes sur Zosime, p. 24 sq.

⁶⁰ А. С. Козлов. Основные черты оппозиции правительству Феодосия I в восточной части Римской империи.— В сб.: АДСВ, вып. 12. Свердловск, 1975, с. 72—75.

⁶¹ См. об этом: F. Paschoud. Cinq etudes sur Zosime, p. 125.

⁶² Г. Л. Курбатов. Основные проблемы..., с. 155.